

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИКЪ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
«РОССИЯ И ПАЛЕСТИНА: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ СВЯЗИ
И КОНТАКТЫ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ»

(МОСКВА — СВЯТО-ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА —
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА)
23—27 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА

31-й (94-й) ВЫПУСКЪ

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

МОСКВА

1992

Стефен К. Баталден
(Аризонский госуниверситет, США)

СУДЬБА РУССКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ ВО ВРЕМЯ ПАЛЕСТИНСКОГО МАНДАТА

Паломничество в святые места Иерусалима и его окрестности, связанные с жизнью и смертью Иисуса Христа, давало выражение одному из глубочайших образцов христианского благочестия. Количество паломников, заполнявших Храм Гроба Господня, место захоронения Христа, было столь велико, что только ежегодное чудо святого огня, свершающееся в канун Православной Пасхи, — то есть зажжение ангелом свечей над гробницей и раздача Патриархом этого света, — привлекало в Иерусалим неисчислимые тысячи людей.

Роберт Курзон, описывая чудо святого огня, происходившее в трагическую Пасху 1834 года, отмечает, как в присутствии египетского Ибрагима-паши семнадцать тысяч паломников, находившихся в то время в Иерусалиме, собрались внутри и вокруг Храма Гроба Господня. В ту Пасху, после того как чудо произошло, и Патриарх был вынесен толпой на руках из гробницы, началась неразбериха. Паника усугубилась, когда мусульманские стражники, стоящие снаружи, приняли беспокойство паломников за атаку на саму стражу. Тогда стражники ворвались в храм, размахивая штыками. По свидетельству Курзона, сотни тогда погибли и многие были тяжело изувечены¹.

События 1834 года и ежегодный наплыв паломников в святые места — наплыв, который достиг апогея в канун Первой мировой войны, — дают нужную перспективу в понимании участия Российской империи в палестинском землевладении, начиная со второй половины XIX века. Ибо, хотя не только Русская Православная Духовная Миссия в Иерусалиме, но позднее и Православное Палестинское Общество, пытались привнести порядок и контроль в соперничающие интересы греков и православных арабов в святых местах, тем не менее русское присутствие становилось все более сложным с возрастанием ежегодного потока тысяч и тысяч русских паломников — в канун 1-й Мировой войны уже около 20.000 человек в год.

Частично для того, чтобы справиться с соперничающими между собой греческой и арабской фракциями в пределах Иерусалимского патриархата, но позже и для того, чтобы разрешить проблему снабжения все возрастающих масс русских паломников в Иерусалим, Русская Православная Духовная Миссия в Иерусалиме, а позднее и Императорское Российское Православное Палестинское Общество, купили большие земельные участки и воздвигли образовательные, религиозные и благотворительные учреждения, равно как и помещения для паломников. Акты о русских земельных приобретениях, особенно Палестинским Обществом и наиболее выдающимися главами Иерусалимской Духовной Миссии архимандритом Антонином (Капустинным) и архимандритом Леонидом (Кавелиным), с тех пор были достаточно хорошо документированы в других работах и не нуждаются в детальном представлении здесь². Тем не менее, поразительное количество этих земельных приобретений является основанием для того вопроса, который я хотел бы сегодня задать.

В период между 1857 и 1914 годами Русская Духовная Миссия в Иерусалиме и Императорское Российское Православное Палестинское Общество закупили более 65 участков земли общей площадью приблизительно 1,5 млн. квадратных метров, т. е. около 150 гектаров. Таким образом, для сравнения, Духовная Миссия и Палестинское Общество стали владельцами земель, в шесть раз превышающих по размеру территорию современного московского Кремля. Конечно некоторые части этих землевладений включали территории, находящиеся за пределами Иерусалима — в Вифлееме, Иерихоне, в районе Галлилейского моря и так далее. Но большинство землевладений находилось внутри Иерусалима и в его окрестностях. Духовная Миссия, которая владела большей частью огромного Русского Подворья в Иерусалиме, наряду с церквями и монастырями, владела земельной собственностью в пять раз большей, чем Палестинское Общество. Однако и владения Палестинского Общества, превышающие 23 гектара (235.000 квадратных метров), оставались значительными. Одно большое здание Общества, к примеру, могло разместить до семи тысяч паломников³.

Вопрос, который я хотел бы сегодня задать, прост, а именно: что же случилось со всеми этими весьма значительными землевладениями Русской Миссии и Палестинского Общества после I Мировой войны и Октябрьской Большевицкой Революции. Одним из последствий создания Палестинского мандата, поддерживаемого Британией, как преемницей Оттоманского правления в этом районе, было то, что многие из источников, важных для понимания судьбы русского землевладения в Палестине, были сохранены в British Public Record Office, в особенности в фондах иностранного и колониального отделов⁴. Возможно, что за исключением записей, сохранившихся в Иерусалиме, эта Британская архивная документация на сегодняшний день дает наиболее ясную картину относительно судьбы русского православного землевладения во время Палестинского Мандата.

В реконструкции по этим записям судьбы русского землевладения в Палестине выявляется сложная структура британской политики. Тезис этого доклада заключается в том, что британская политика, движимая заботой о международно признанном религиозном и благотворительном характере русских землевладений, попыталась любыми средствами избежать возвращения владений советским властям, чей признанный атеизм они рассматривали как противоречие тем намерениям, с которыми используются Святые места. Однако, не передавая права на владение советским представителям, наоборот, обескураживая всякий визит советских делегаций, вплоть до начала II Мировой войны, власти Британского мандата сыграли на руку представителям Русской Православной Церкви за рубежом, последователям Карловацкого синода, которые пытались, хотя и с малым успехом, использовать страхи перед советским атеизмом для установления своей собственной власти над довоенными русскими владениями. В конце концов стороной, которая выиграла больше всего от спорного вопроса о русском землевладении, был Палестинский Мандат или сами британские власти. Так как, обеспечивая аренду землевладений и зданий на земле, правительство Палестинского Мандата за минимальную стоимость поддержало и расширило свои собственные правительственные учреждения на «русских землях». Важность этого прецедента огромна, так как во взятых в аренду зданиях в бывшем Русском подворье и в других местах продолжают располагаться некоторые самые высокопоставленные правовые и бюрократические учреждения современного Израильского государства, в том числе его Верховный суд.

Иронией, в конечном счете, является то, что для очевидной цели защиты религиозных и благотворительных намерений русского православного землевладения в Иерусалиме Палестинский Мандат разработал свою собственную систему контроля, которая, с одной стороны, разрешая ограниченную монашескую и религиозную институтскую жизнь на некоторых владениях, значительно способствовала секуляри-

зации земель, ранее принадлежавших Императорскому Православному Палестинскому Обществу и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Вопрос русского землевладения в Иерусалиме, в то время как он несомненно был частью забот Палестинского Мандата со времени возникновения Лиги Наций и мандатной системы, оказался значительной заботой для Британии в 1923 году в связи с апелляцией Леонида Красина, члена советской торговой делегации в Лондоне, по поводу советских прав на дореволюционные русские владения. В мае 1923 года Красин обратился в Министерство иностранных дел Великобритании, требуя возвращения владений в Палестине Советскому правительству⁵. В меморандуме Красина и в последующих апелляциях, включая апелляцию Константина Раковского, советского charge d'affaires в Англии, был предложен тот аргумент, что в декрете Совета Народных Комиссаров от января 1918 года касательно отделения церкви от государства особое место занимало положение о том, что никакие религиозные общества не могут владеть частной собственностью и посему все такие бывшие собственности должны перейти в собственность народа, то есть во владение государства. Следовательно, земельные собственности в Иерусалиме, когда-то принадлежавшие императорскому правительству или религиозным ассоциациям, находившимся в Российской империи, теперь по декрету становились de jure собственностью Советского правительства⁶.

Апелляции Советского правительства вызвали в Великобритании длительные разбирательства, породившие, в свою очередь, серию ответов, которые оказались эффективными в подрыве советских притязаний на русские владения на весь период Палестинского Мандата. В своих начальных поисках ответа на советские притязания англичане обратились к положению Лиги Наций «Мандату для Палестины», изданному Советом Лиги в июле 1922 года. Статья 13-ая «Мандата» передавала «свою ответственность в связи со Святыми местами и религиозными зданиями или участками Палестины» британским властям, властям, которые стали управлять через High Commissioner Палестины и различные административные и правовые организации Палестинского Мандата. Четырнадцатая статья того же документа, однако, призывала к созданию «специальной комиссии», назначенной Мандатом, «которая бы определила и выявила права и притязания в связи со Святыми местами». Эта специальная комиссия никогда так и не была создана благодаря неразрешенным спорам внутри Совета Лиги Наций о составе комиссии⁷.

Англичане не могли полностью положиться на статью тринадцать и на положение первоначального «Мандата», так как они не могли быть полностью уверены, что палестинские правовые организации своей собственной властью не могли бы найти некоторую законность в советских притязаниях по получению апеллий от советских властей. Как результат этой неуверенности, британские власти решили, что в Палестине должен быть создан специальный устав, чтобы прояснить статус благотворительных земель. В своем обращении от имени Государственного секретаря Великобритании Рамсея МакДональда в июне 1924 года, Министерство иностранных дел Великобритании сообщило Колониальному Отделу, что м-р МакДональд также согласен с необходимостью немедленного решения в местном законодательстве вопроса благотворительных фондов⁸. Своевременность дела также относилась к проводившейся в то время Англо-Русской Конференции по нормализации дипломатических и торговых отношений, конференции, на которой вполне возможным было возникновение вопроса о русском землевладении.

В конце концов, «Устав о благотворительных фондах» 1924 года дал Палестинскому Мандату и его правовым организациям широкую полномочную власть над благотворительными, особенно вакуфными землями и религиозными фондами в Палестине⁹. Решающим моментом касательно русских землевладений были те, не делающие различий ус-

ловия, которые мы находим в статье 37-й Устава. Согласно этой статье, «не противореча ничему (другому) в Уставе», суд в оценке «любого владения в Палестине находящегося в руках владельца, при условии, что использование владения и доходы от него будут отданы на благотворительные цели... может объявить эту собственность содержащейся на доверии». По Уставу, «содержащейся на доверии» приобрело значение того, что Верховный Комиссар Палестинского мандата или его представитель могли распоряжаться владениями в благотворительных целях. Результатом этого Устава о благотворительных фондах 1924 года стало то, что даже если бы советские власти подали апелляцию в палестинские юридические органы, этим органам была дана власть объявить, что Мандат является легально попечителем этих собственности, тем самым устраняя все остальные притязания на эти земли, которые могут быть опасными (а в каком-то случае и нет) по отношению к их секуляризации. Это было, по существу, наделением широкими полномочиями административной властью управляемого Британией Мандатского правительства, возглавляемого Верховным Комиссаром Гербертом Самуэлем.

Во время, как Устав о благотворительных фондах с успехом подорвал советские притязания на палестинские владения на весь остаток межвоенного периода, его влияние на остальных претендентов, включая эмигрантские организации и местных русских монахов и монахинь, было более сложным. Апелляция русских эмигрантов на иерусалимские владения достигла Министерства иностранных дел Британии сразу же после первоначального советского притязания 1923 года. В сентябре 1923 года митрополит Евлогий, объявив себя «наивысшим представителем» на Западе канонически избранного Патриарха Тихона в Москве, апеллировал к архиепископу Кентерберийскому с просьбой о его, архиепископа, ходатайстве перед британскими властями о том, что владения, ранее принадлежавшие Русской Православной Миссии и Православному Палестинскому Обществу «не должны быть отданы, даже на время, в руки посторонних, а должны быть оставлены, как они были и раньше, во владении Русской Православной Церкви в лице ее вышеназванного верного представителя, т. е. самого Евлогия»¹⁰. Заявляя свои собственные полномочия как главы церковной администрации Русской Православной Церкви в западной Европе, Митрополит Евлогий объявил, что ни одно из владений, принадлежавших Духовной Миссии и Православному Палестинскому Обществу, не было собственностью Российского государства, заявление, которое хотело отклонить советские притязания, указывая на декрет 1918 года о секуляризации церковного имущества. Евлогий также указал на представителей двух предреволюционных организаций, по-прежнему находящихся в Иерусалиме, а именно, Архимандрита Иеронима, начальника Духовной Миссии, и Н. Р. Селезнева, в бывшем секретаря, а потом распорядителя Православного Палестинского Общества.

В дополнение к искам митрополита Евлогия представители Русской Синодальной Церкви за рубежом, так называемого Карловацкого синода, также заявили свои притязания на Иерусалимские владения. Считая своими сторонниками некоторых бывших членов Православного Палестинского Общества, например Селезнева, Синод пытался сыграть в свою пользу путем культивирования поддержки тех русских монахов и монахинь, которые остались в Иерусалиме с дореволюционного времени. По этому поводу Митрополит Антоний (Храповицкий), лидер Церкви за рубежом, поехал в Иерусалим в июне/июле 1924 года. В своих письмах из Иерусалима митрополит Антоний упоминал о продолжающемся присутствии приблизительно трехсот монахинь в двух русских монастырях и дюжины русских чиновников духовного сословия, которые по-прежнему возглавляли Русскую Православную Миссию¹¹. В годы, последовавшие визиту митрополита Антония, особенно посредством участия лоялиста Карловацкого синода, бывшего Кишиневского архиепископа Анастасия, Церковь за рубежом претендовала

на лояльность русских, оставшихся в окрестностях Иерусалима, и даже выпускала журнал в Иерусалиме «Святая земля». К концу межвоенного периода Синодальная Церковь за рубежом могла с успехом рассчитывать на лояльность некоторых, но не всех, монахов и монахинь, по-прежнему остававшихся в Иерусалиме с дореволюционных пор.

Для более точного описания, однако, существует тот факт, что Октябрьская Большевицкая Революция и последовавший за ней упадок русского паломничества, оставили местных русских представителей Иерусалимской Духовной Миссии и Палестинского Общества без традиционного источника материальной поддержки. Митрополит Антоний (Храповицкий) во время своего пребывания в Иерусалиме в 1924 году весьма отчетливо обрисовал положение:

Почти все огромные и многочисленные корпуса подворья, равно и помещения его б. начальника, заняты английскими правительственными учреждениями, а квартирная плата за них составляет единственную доходную статью русской миссии, состоящей ныне из 10—12 лиц в священном сане и монашеском чине¹².

На самом деле свидетельство Храповицкого показывает абсолютную необходимость для оставшихся русских священнослужителей и монахинь сдать в аренду русских владений властям Мандата.

Эта сдача подтверждается записями, находящимися в Британских архивах, по которым арендная плата для существования оставшихся русских священнослужителей и монахинь — плата, производимая вначале через Испанское консульство, а позднее через специального администратора, назначенного Палестинским Верховным Комиссаром, — записана для более двадцати зданий, бывших ранее частью Духовной Миссии и Православного Палестинского Общества. Годовая плата за эти участки, как например в 1924 году, составляла более 4800 ф. ст. К 1930 году, вслед за провозглашением специального «Административного Устава о Русских владениях» (Устав № 31, 1925, провозглашенный в 1926 году), собственности были переданы на формальное бюрократическое попечение английского административного лица с годовой арендной платой более 7700 ф. ст., получаемых местными представителями Православного Палестинского Общества и Духовной Миссии¹³. Этот доход от сдачи в аренду составлял более девяноста процентов от общего годового дохода, собираемого дореволюционными организациями¹⁴.

Здания были сданы в наем для весьма различных целей, от таких, как размещение самого Испанского консульства и Суда Палестинского мандата, до складов, больниц, тюрем и даже барачных складов британской жандармерии. Наряду с тем, что большее количество снятых в аренду владений было в Иерусалиме, Британская жандармерия также арендовала русские владения в Назарете, а также были и другие, взятые в аренду владения, в Акре, Хайфе и Иерихоне. Опираясь на цифры 1924 года, можно сказать, что более трети всего годового дохода от сдачи в наем было получено всего от трех иерусалимских владений:

1. Палестинские правовые и судебные здания, действовавшие на земле Духовной Миссии в бывшем Русском подворье (600 ф. ст.).
2. Большая больница, функционировавшая на земле Православного Палестинского Общества (арендная плата в 630 ф. ст. в год).
3. Складское помещение на земле Православного Палестинского Общества (600 ф. ст.).

Частичным объяснением последующего увеличения годового дохода является то, что к 1930 году двадцать процентов арендного дохода приходило от сдачи в аренду частным лицам — знак того, что местные представители Православного Палестинского Общества и Духовной Миссии освобождались от полной зависимости Палестинского мандата. Тем не менее, находясь в рамках определения «Устава об администрировании русских владений», дореволюционные русские религиоз-

ные организации и местные русские монахи и монахини оставались во многом зависимы от арендной платы, получаемой от властей Палестинского мандата.

В конце концов, власти Палестинского мандата были заинтересованы держать на расстоянии юридические притязания советов, в то же время сохраняя максимальную мобильность в ответах на апелляции дорволюционных русских фигур, таких как Селезнев и митрополиты Евлогий и Антоний. В результате этого Палестинский мандат продолжал за минимальную арендную плату занимать многие из бывших русских зданий с такими же секулярными целями, что могло бы впоследствии стать, как они боялись, результатом признания притязаний «атеистических» советских представителей. Между тем, опасаясь того, что независимая сдача в аренду Русского подворья уже проводилась Селезневым и другими русскими эмигрантскими представителями, власти Мандата продолжали оказывать давление на Селезнева и других с тем, чтобы они продемонстрировали ясное право собственности на владения, перед тем как продолжать проявлять активность по отношению к ним. Играя на обе стороны, англичане признавали невозможность доказательства этого права после секуляризации Советами церковного имущества в январе 1918 года — акта, который Палестинский мандат признавал только потому, что он помогал подорвать позицию Селезнева и Русской Синодальной Церкви за рубежом¹⁵.

Ирония здесь, конечно, заключается в том, что тот же самый Декрет о секуляризации англичане, возможно с основанием, также направили против Советов, поскольку по первоначальному праву многое из русского землевладения попало по старой классификации земель Оттоманской Империи в раздел вакуфных земель. Такие земли были признаваемы как мусульманскими судами, так и их преемниками Мандата, пригодными для использования в исключительно благотворительных целях и не подлежащими секуляризации¹⁶.

Таким образом, в период после I Мировой войны Палестинский мандат выработал сильный прецедент на использование русской собственности для правительственного снятия внаем и размещения в них. Отказываясь признать притязания и атеистического Советского правительства, и русских религиозных эмигрантов, англичане поставили себя посередине, как попечителей владений, платя арендную плату через Испанское консульство, а позже через своего собственного администратора, для распределения ее среди уменьшающегося количества русских монахов и монахинь в Иерусалиме и его окрестностях. В то время как картина после II Мировой войны, относящаяся к этим владениям, остается по-прежнему смутной среди судебных процессов и враждебных притязаний, продолжившееся в период после II Мировой войны использование владений Израильским правительством подтвердило важность прецедента, учрежденного Британскими властями. В то же время следует задаться вопросом, не является ли очевидный неуспех советских притязаний, представленных Красиным, Раковским, Литвиновым и другими, доказательством фундаментального бесплодия официальной идеологии атеизма, принятой новым Советским государством.

Л и т е р а т у р а

¹ Robert Curzon, *Visits to Monasteries in the Levant*, quoted in Harry Charles Luke, *Ceremonies at the Holy Places* (London, The Faith Press, 1933), 28—29.

² For the secondary literature on Russian activity and landholding in Palestine, see Theofanis George Stavrou, *Russian Interests in Palestine, 1882—1914* (Thessaloniki, 1963); Derek Hopwood, *The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843—1914* (Oxford, 1969); Igor Smolitsch, «Zur Geschichte der Beziehungen zwischen der russischen Kirche und dem orthodoxen Osten», *Ostkirchliche Studien*, vol. 5 (1956); Arkhimandrit Kiprian, Antonin Kapustin, *arkhimandrit i nachalnik Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime, 1817—1894* (Belgrade, 1934); V. Ishmanov, «Russkii uchrezhdeniia v Palestine i Sirii pered nachalom voiny s Turtsiei», *Soobshchenia Imperatorskago Pravoslavnogo Palestinskago Obshchestva*, vol. 25 (1914), 436—

464; V. Ishmanov, «Russkii uchrezhdeniia v Palestine i Sirii vo vremia voiny s Turtsiei», *Soobshcheniia*, vol. 26 (1915), 147, 181, 373—408 and (1916), 267—288.

³ The figures for landholding cited here are compiled from records kept by the British Foreign Office during and immediately after the period of the Palestine Mandate. The «Appendix» to this paper provides a property-by-property description of lands held by the Orthodox Palestine Society and Russian Ecclesiastical Mission. That appendix and the summary figures found here in the paper are compiled from four British Foreign Office files: a) British Public Record Office, Foreign Office (hereafter PRO F. O.) 371/10491, Northern Department (hereafter N) 1288/1288/38, 13 February 1924; b) PRO F. O. 371/10514, N 3501/3501/85, 22 April 1924; c) PRO F. O. 371/10836, Eastern Department (hereafter E) 2435/236/65, 18 April 1925; and d) PRO F. O. 371/52591, E 646/646/31, 17 January 1946.

⁴ For a more complete description of the relevant British Foreign Office and Colonial Office Records, see the bibliography of the forthcoming Arizona State University M. A. thesis of Michael Palma, «Russian Landholdings in Palestine, 1917—1948».

⁵ See copy of Krassin's 18 May 1923 memorandum, «Annex I» in PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65.

⁶ For the Rakovskii claim and its reference to the 1918 secularization decree, see Austen Chamberlain's report of his 1 April 1925 meeting with Rakovskii, Chamberlain to British Ambassador to Moscow Hodgson, PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65 (1 April 1925).

⁷ For copy of the League's «Mandate for Palestine», including articles thirteen and fourteen, see PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65.

⁸ PRO F. O. 371/10112, E 4970/4300/65 (D. G. Osborne — Colonial Office, 24 June 1924).

⁹ For a copy of the Charitable Trusts Ordinance in draft, see PRO F. O. 371/10111, E 3543/3543/65 (1924).

¹⁰ Copy of Metropolitan Evlogii's letter, dated 19 September 1923, is in PRO F. O. 371/9370, N 8612/4560/38.

¹¹ Arkhiepiskop Nikon (Rklitskii), *Zhisneopisanie Blazhenneishago Antoniiia, Mitropolita Kievskago i Galitskago*, tom VII (New York, 1961), p. 43.

¹² *Zhisneopisanie Blazhenneishago Antoniiia*, p. 43.

¹³ For a list of the properties leased by the Palestine Mandate, including the provisions for payment through the Spanish Consulate, see «Annex 5: Russian Properties in Palestine Occupied by Government», PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65 (1925).

¹⁴ For the «Russian Properties Administration Ordinance», see PRO Colonial Office 733/212, 97024/1/32 (1932). That file also contains the audited income and expenditure figures for the Orthodox Palestine Society and the Russian Ecclesiastical Mission for the year ending 31 December 1930. Total income for the Orthodox Palestine Society was 6005 pounds, of which 5732 derived from rent of leased properties. Total income for the Russian Ecclesiastical Mission was 2799 pounds, of which 2034 derived from rent of leased properties. Another 451 pounds came to the Ecclesiastical Mission as a grant in aid from the Orthodox Palestine Society.

¹⁵ For evidence of the Mandate's opposition also to Seleznev, see copy of High Commissioner Herbert Samuel's report of 26 October 1923 in PRO F. O. 371/10836, E 2435/236/65.

¹⁶ On the history of charitable wakf landholdings, see Aharon Layish, «The Muslim Waqf in Israel», *Asian and African Studies*, vol. 2 (1966), p. 41—76; and also Kenneth W. Stein, *The Land Question in Palestine, 1917—1939* (Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1986).